

**Н. Ф.
ФЕДОРОВ**

Узбранное

Николай Федорович Федоров «Я» и «Не-Я» с точки зрения философской и человеческой

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2695835*

Аннотация

«...Суждения и Шеллинга, и его противника Якоби суть суждения блудных сынов, отделившихся от отцов; они не знают разницы между «другими», «родными Я» и чужими «Не-Я», воплощениями слепой, смертоносной силы, потому что для них вне себя все есть «Не-Я», то есть все стало чужим и нет уже ничего родного. Это – философия не сынов, а граждан, стоящих на страже друг против друга, на военном, а не на братском положении находящихся...»

Николай Федорович Федоров «Я» и «Не-Я» с точки зрения философской и человеческой

Вместе, нераздельно с чувством, с признанием своего «Я», сыновнего «Я», дается и «другое» или «другие», не чуждые, а *родные* ему «я» – *отеческие*. Только со смертью «родных я» начинает нами сознаваться существование *неродного*, чуждого, враждебного «Не-я», как *силы отрицательной*, смертоносной. Наоборот, отшедшие «родные я» чувствуются неизбежно, необходимо как *причина*, как предшествующее нам «великое родное Я», но уже не одинокое, как мое личное «Я», если я отделил бы себя от них, а соединенное с другими, такими же великими «Я», над коими «Не-Я» не имеет силы. Это – бессмертная троица, потому что сын и дочь здесь не отделяются от отца, остаются присно-сынами и присно-дщерями, словом и духом.

Суждения и Шеллинга, и его противника Якоби суть суждения блудных сынов, отделившихся от отцов; они не знают разницы между «другими», «родными Я» и чужими «Не-Я», воплощениями слепой, смертоносной силы, потому что для

них вне себя все есть «Не-Я», то есть все стало чужим и нет уже ничего родного. Это – философия не сынов, а граждан, стоящих на страже друг против друга, на военном, а не на братском положении находящихся.

Нужно именно вторично родиться, нужно пожить, но не перерасти, не пережить состояние чистой детственности, чтобы понять глубокое различие «Другого, то есть родного «Я», от «чуждого Не-Я», чтобы стать истинным поклонником Пресвятой Троицы. «Другое Я», если оно приемлется как родное нам, не ограничивает, а расширяет наше бытие, тогда как «Не-я» полагает границы нашему «я», стесняет и вытесняет его, «Я» (личное), соединенное любовью с «другими, своими я», составляет царство жизни, союз сынов человеческих; «Я», обособившееся от «своих» (других, но родных), отчуждившееся и противопоставленные ему, чуждые ему и друг другу «Не-Я» – это область смерти. Она-то теперь и господствует.

Только исполнение заповеди «будьте как дети!» и может создать учение, в котором мысль и чувство взаимно неотделимы. Наоборот, неисполнение этой заповеди привело, как наказание, к такому состоянию, о коем говорит Толстой: «Мне казалось, что, помимо меня, никого и ничего нет». «Я» философской терминологии есть лишь замена «сына умерших отцов», то есть замена *родственности и смертности*: первой – словами «человек и человечность», а второй – отвлеченными и неопределенными понятиями «конечный,

ограниченный, временный и т. п.». Этим подменом, этим подлогом вымышленного на место действительного и создается разрыв между философией чистого мышления и философией чувства и между философией и религией, несущий гибель для обеих сторон, но гибель неизбежную при забвении заповеди: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучит!»»